

СУФИЗМ В ИСЛАМЕ

УДК 297 (470.67) «04/14»: 217

З.Ш. Закарияев

Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш

В статье приводятся новые данные об одном из южнодагестанских суфиев Позднего Средневековья, чья почитаемая гробница находится в высокогорном цахурском селении Мишлеш. Автором впервые вводятся в научный оборот арабоязычные эпиграфические и письменные источники, сообщающие о Шейхе Амине ал-Мишлиши и духовных связях средневековых суфиев Дагестана и Ширвана.

Ключевые слова: *Шейх Амир, Мишлеш, суфизм, эпиграфика, арабский язык.*

The article describes one of the southern Daghestan Sufis of the later Middle Ages, whose honored tomb is in high mountain tsakhur village Mishlesh. The author introduces new data of Arabic language epigraphic and written sources, informing about Sheikh Amir al-Mishlishi and spiritual connections of medieval Sufis of Daghestan and Shirvan.

Keywords: *Sheikh Amir, Mishlesh, Sufism, epigraphy, Arabic language.*

Многовековой процесс распространения ислама в Дагестане все еще остается недостаточно изученным. В частности, много белых пятен в истории суфизма – одной из основных форм бытования ислама в регионе.

Главную роль в изучении истории суфизма в Дагестане играют разнообразные источники на арабском языке, среди которых важное место занимают эпиграфические памятники. Изучение арабоязычных надписей позволяет узнать много нового о процессе распространения суфийской идеологии и различных суфийских тарикатов. Выявление и изучение арабоязычной эпиграфики Дагестана, а также сопоставление эпиграфических данных с нарративными письменными источниками на арабском языке позволяют как узнать имена неизвестных доселе дагестанских суфиев, особенно эпохи Позднего Средневековья, так и расширить наши знания об известных духовных деятелях региона.

Один из самых известных и почитаемых в Южном Дагестане культовых комплексов суфизма находится в высокогорном цахурском селении Мишлеш. Селение расположено в верховьях реки Самур, на территории современного Рутульского р-на РД. В настоящее время это самое крупное из цахурских селений Дагестана. Наряду с древней соборной мечетью и минаретом, главной достопримечательностью Мишлеша является мемориальный комплекс на западной окраине села, сооруженный на могиле суфийского «святого», известного у местного населения под именем «Султан Шейх Амир» или просто «Шейх Амир». Судя по всему, средневековый мишлешский суфий носил имя «Амир», а «султан» и «шейх» – религиозные титулы, сопровождающие его имя.

Комплекс включает, кроме мавзолея, где находится захоронение шейха, и небольшую мечеть. Известный архитектор и искусствовед С.О. Хан-Магомедов считал комплекс одним из самых интересных и своеобразных объектов подобного рода во всем Южном Дагестане. По характеру архитектуры мавзолея С.О. Хан-Магомедов относил его сооружение к XVII в. [6, с. 187–192]. Необычен уже сам материал, из которого сложен мавзолей, – обожженный кирпич 20 x 20 x 5 см, что встречается в постройках Дагестана крайне редко. Интересна также стрельчатая форма арочного портала и свода, характерная для архитектуры Восточного Закавказья и Ирана. Толщина шва между рядами кладки – 1,5–2 см.

Мавзолей представляет собой двухкамерное сооружение. Основное помещение (2,35 x 2,30 м) перекрыто плоским куполом, опирающимся на четыре подпружные арки и паруса (высота от пола до вершины купола – 2,77 м). В помещение ведет монументальный арочный портал, расположенный в глубокой (1 м) арочной нише с каменными скамьями по бокам. Фасадная стена этой части мавзолея выложена фигурной кирпичной кладкой. Мавзолей увенчан сферическим куполом. Внутри основного помещения мавзолея расположен каменный саркофаг высотой 54 см, шириной 60 см и длиной 290 см.

Второе помещение мавзолея представляет собой прямоугольную камеру (3,45 x 1,70 м), перекрытую стрельчатым сводом (высота от пола до замка свода 1,7 м). Внутри камеры расположено три небольших захоронения.

Декорирован лишь южный фасад комплекса. Основой декора является сочетание стрельчатых арок и сквозной с крестообразными отверстиями кладки. Архитектурные объемы расчленяются пилястрами, образующими ниши, в которых размещены порталы.

Весь мавзолей выполнен в одной технике и из одного и того же кирпича, однако характер его планировки и объемно-пространственной композиции заставляет предположить, что первоначально предполагалось соорудить однокамерный мавзолей, завершенный куполом, и лишь в процессе строительства или вскоре после его окончания была пристроена вторая камера.

Мавзолей расположен на участке, окруженном каменной стеной высотой до двух метров. Размеры отгороженной территории – 18 x 17 м. С южной стороны, перед оградой, устроена галерея, в глубине которой расположен входной стрельчатый арочный портал. В XX в. перед галереей была построена еще одна невысокая ограда из горного и речного камня, которая образует ныне перед галереей небольшой двор. В ходе недавних ремонтных работ строения комплекса (включая и купол) были покрыты металлической кровлей.

Кроме мавзолея, на территории комплекса расположены небольшая квадратная мечеть (5 x 5 м) без внутренних столбов и деревья (ствол самого крупного среди них диаметром до 1 м). Деревья здесь, как и в других подобных местах, тщательно оберегаются. Большое «священное» дерево рядом с мавзолеем подчеркивает его значение.

В деревянные части входного портала, ведущего внутрь мемориального комплекса и устроенной перед ним галереи, вбито множество гвоздей (по некоторым данным, это следы гаданий женщин о будущих детях). Здесь также прибиты подковы. Считается, что подобный обряд, совершенный на «святом» месте, помогает избавиться от зубной боли. Аналогичный обряд зафиксирован нами на окраине лезгинского селения Миджах (Ахтынский р-н РД), где сохранился ствол дерева с множеством прибитых к нему подков.

Несмотря на широкую известность святилища Султана Шейх Амира (сюда приезжают на зийарат верующие не только из различных районов Дагестана, но и республик Северного Кавказа, а также соседней Азербайджанской Республики), достоверных сведений об этой личности сохранилось крайне мало. Даже о времени жизни шейха имеются разные мнения. М.М. Ихиллов писал, что над входом в зийарат сохранилась надпись, гласящая о том, что «шейх Султан-Эмир погребен здесь в 1653 г.» [4, с. 228–229]. Однако ни этот текст, ни его фотография так и не были опубликованы. У нас вызывает большие сомнения сам факт существования такой датированной надписи. Во всяком случае, исследователями эпиграфических памятников Дагестана такая надпись не обнаружена. Не нашли ее и мы во время посещения мавзолея.

Значительный историко-культурный интерес представляет эпиграфика мишлешского мемориального комплекса. Самая ранняя из имеющихся на территории зийарата арабоязычных надписей составлена в первой трети XVII в. Слева от входа в комплекс вмонтирована горизонтальная плита 63 x 16 см с врезной надписью из пяти строк, выполненная в грубоватой «процарапанной» манере.

- (١) ان الله لا يضيع [؟] [الآخرة] [المحسنين] [؟]
 (٢) قد جددت هذا المسجد مسدى بنت امير سلطان محمد زوجة شاه محمد بن
 (٣) زهرا بيبك في شهر شعبان في اوسط الربيع في تاريخ سنة ست وثلثين والى من هجرة
 (٤) واستاده حاجى على بن [صببت] وشعبان بن نوري الزاخوري غفر الله لهم اجمعين
 (٥) وكتب هذا الحجر... حافظ بن صوف محمد المشلشي غفر الله لهما اجمعين

«1) Воистину, Аллах [сотворил?] будущую жизнь для [благотворителей?]. 2) Восстановила (*джаддадат*) эту мечеть Мисидай, дочь эмира Султан Мухаммада, жена Шахмухаммада, сына 3) Зухраб-бека, в месяце ша'бан, в середине весны, в дату: тысяча тридцать шестой год по хиджре. 4) А мастера (*устадуху*) – Хаджжи 'Али, сын [Сабита] и Ша'бан, сын Нури из Цахура (*аз-Захури*), – да простит их всех вместе Аллах! 5) А написал этот камень ... Хафиз, сын Суфи Мухаммада из Мишлеша (*ал-Мишлешин*), – да простит Аллах их обоих вместе!».

Месяц ша'бан 1036 г. хиджры соответствует 17.04. – 16.05.1627 г.

Текст был впервые опубликован и переведен в 1961 г. известным исследователем эпиграфических памятников Дагестана Л.И. Лавровым по фотографии, доставленной З.А. Никольской. Л.И. Лавров полагал, что эта надпись расположена у входа в минарет мишлешской соборной мечети [9, с. 52]. В чтении и переводе Л.И. Лаврова имеются неточности. В частности, не было прочтено имя «Зухраб-бек» и название мусульманского календаря («хиджра») после даты. Далее, по нашему мнению, имя отца мастера следует читать как «Сабит», вместо предложенного Л.И. Лавровым «Бабит». Чтение имени женщины, которая была, судя по надписи, заказчиком или организатором ремонтных работ, предложено нами в форме «Мисидай» (у Л.И. Лаврова – «Мисиди»), ибо такое женское имя встречается в верховьях Самура и в наши дни.

В надписи прямо сказано, что Мисидай была дочерью правителя (эмира) «Султан Мухаммада». Мы считаем, что «Султан» – не составная часть имени отца Мисидай, а указание на титул. Известно, что цахуро-илисуйские (елисуйские) правители Позднего Средневековья, правившие в верховьях Самура (ныне территория так называемого «Горного магала») и сопредельной части Закавказья, носили титул «султан». Это дает нам право полагать, что Мисидай была дочерью цахурского владетеля (султана) Мухаммад-хана, сына султана Али-бека. Мухаммад-хан правил в первой половине XVII в. Он известен по шахским фирманам и указам 1627, 1632, 1635, 1636, 1637 гг. Следовательно, Мисидай приходилась внучкой Али-султану (Али-беку), сыну Ади Куркулубека I и сестрой Халил-султану – правителю Цахура с 1642 г. Все четверо известны по персидско-турецким письменным источникам (фирманам) и арабским эпиграфическим текстам как правители Цахурского султаната. Надпись была составлена во время правления отца Мисидай.

Имя резчика-каллиграфа (катиба) надписи нами прочтено как «Хафиз, сын Суфи Мухаммада» (у Л.И. Лаврова: «Али (?) Хафиз б. ... Мухаммад»). Интересно, что этот же резчик тремя годами раньше (в 1624 г.) высек надпись о восстановлении мишлешской соборной мечети (см. ниже). Отец писца назван в надписи суфием («Суфи»). Возможно, что слово «Суфи» здесь следует рассматривать не как составную часть имени, а как указание на то, что упомянутый Мухаммад был практикующим суфием.

Наконец, мы предлагаем альтернативное чтение даты текста. Внимательное изучение надписи не оставляет сомнений в том, что слово *сотня* в ней отсутствует. Следовательно, надпись была составлена не в 1136 г. х. (1724 г.), как считал Л.И. Лавров, а почти столетием раньше, в 1036 г. х. (1627 г.). Правильность нашего чтения даты хорошо согласуется с данными самой надписи, в которой говорится, что месяц ша'бан пришелся в то время на середину весны. Полностью подтверждает нашу датировку содержание другой строительной надписи, которая находится в восточной стене соборной мечети Мишлеша. Она была составлена в 1033 г. х. (1624 г.). Заказчиками (организаторами) ремонта мечети в ней названы «Шахмухаммад, сын Зухраб-бека и его жена Мисидай»,

а резчиком-каллиграфом (катибом) – «Хафиз, сын Суфи Мухаммада» (имя отца резчика Л.И. Лавров прочел как «Хауф-Мухаммад») [8, с. 158–159].

В этих двух мишлешских надписях, составленных с интервалом в три года, – одни из самых ранних в арабоязычной эпиграфике Дагестана упоминаний термина «суфий». Самое же раннее упоминание «суфия» в дагестанской эпиграфике зафиксировано нами в строительной надписи 1622 г. на знаменитом мавзолее шейха Ахмада в высокогорном лезгинском селении Гельхен (ныне Курахский район РД) [3, с. 152].

Слева от входа в мавзолей вмонтирована плита с надписью, которая выполнена в оригинальной технике выделения окружающего фона (без его изъятия). Эта техника нанесения надписей характерна для пяти строительных текстов Мишлеша второй половины XVII в. Эти надписи выполнены в течение примерно 15 лет, что заставляет предполагать, что все они составлены одним резчиком-каллиграфом. Текст на мавзолее переведен Л.И. Лавровым: «1) Восстановлено это благословенное здание 2) султаном, – да продлит Аллах его правление! В дату: 3) тысяча семьдесят третий год хиджры про рока [мир ему]» [8, с. 163].

1073 г. хиджры соответствует 1662–63 гг. Согласно надписи, организатором (заказчиком) восстановления (ремонта) здания был феодальный правитель, носивший титул «султан». Несомненно, что речь в надписи идет о Халил-султанине – тогдашнем правителе Цахурского султаната. Халил-султан, сын Мухаммад-хана, хорошо известен историкам по фирманам (владельческим грамотам) иранских шахов и турецких султанов с 1642 г. Он упоминается и в мишлешских арабоязычных надписях, где его имя сопровождается трафаретной фразой «да продлит Аллах его правление!». Правление Халил-султана Цахурского продолжалось не менее тридцати лет.

В настоящее время на территории мишлешского комплекса находятся надмогильные плиты и фрагменты стел. На одной из них мы прочли эпитафию 1228 (1813) г., которая принадлежит «Салиху, сыну Хасана».

Исключительно важные сведения о мишлешском суфии приводятся в арабоязычном сочинении дагестанского накшбандийского шейха Шу'айба ал-Багини (ум. в 1912 г.) под названием «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат ал-машайих ал-халидийа ал-махмудийа» (переводы интересующих нас мест сочинения ал-Багини выполнены нами). Согласно данным ал-Багини, «шейх Султан Шейх Амир ал-Мишлиши» жил и умер в X в. хиджры. Датой его смерти Шу'айб ал-Багини называет 970 (1562–63) гг. [7, с. 417].

Если признать правдивым сообщение Шу'айба ал-Багини о смерти мишлешского шейха в 1562–63 гг., то ремонт мечети на территории мишлешского комплекса Мисидай, дочерью эмира Султан Мухаммада, имел место спустя 65 лет после смерти Султана Шейх Амира ал-Мишлиши. Очередные ремонтные работы здесь были проведены правителем Цахурского султаната Халил-султаном через тридцать лет – в 1662–63 гг.

Интересно, что организатором (заказчиком) восстановления после землетрясения соборной мечети селения Мишлеш в 1081 (1670–71) гг. был представитель местной духовной элиты, которого звали «Шейх Амир, сын Малла Хасана». Об этом повествует известная строительная надпись в стене соборной мечети [8, с. 165–166]. Несмотря на совпадение имен восстановителя мишлешской мечети и шейха, погребенного в мишлешском мавзолее, отождествить их не позволяют данные Шу'айба ал-Багини о времени смерти мишлешского шейха. Стало быть, это два совершенно разных человека, один из которых жил в XVI в., а другой – в XVII в. Следовательно, восстановление Шейхом Амиром, сыном Малла Хасана, соборной мечети в Мишлеше произошло свыше века спустя после смерти его знаменитого мишлешского тезки.

Вместе с тем совпадение имен этих двух людей не является простой случайностью. Шейх Амир, сын Малла Хасана, заказчик восстановления мишлешской соборной мечети в 1670–71 гг., вероятно, был потомком Султана Шейх Амира, на могиле которого построен знаменитый мишлешский мавзолей. Возможно, что он носил его имя.

Наша версия об их родстве косвенно подтверждается и обнаружением нами в стене ограды мишлешского зийарата арабоязычной эпитафии «Шейха Ахмада, сына Шейха Амира», составленной в первой половине XVIII в. Рельефная эпитафия из четырех строк нанесена каллиграфическим почерком на прямоугольно-вертикальную плиту 37 x 21 см. В верхней части плиты вырезан крупный трилистник. Эпитафия начинается с трафаретной фразы из стихотворения средневекового арабского поэта-суфия Абу-л-Атахия:

(١) الموت كأس كل ناس شاربه والقبر باب كل (٢) ناس داخله صاحب هذا الحجر شيخ احمد (٣) ابن شيخ امير
وقد ارتحل في تاريخ (٤) الف ومائة وستة وخمسين سنة

«1) Смерть – чаша, каждый вкушает ее. Могила – дверь, 2) каждый войдет в нее. Владелец этого камня Шейх Ахмад, 3) сын Шейха Амира. Он умер в дату: 4) тысяча сто пятьдесят шестой год».

1156 г. х. соответствует 26.02.1743 – 14.02.1744 гг.

Вероятно, эпитафия принадлежит сыну восстановителя соборной мечети Мишлеша в 1670–71 гг., что хорошо согласуется хронологически. Факт нахождения этой эпитафии на территории мемориального комплекса не кажется нам простым совпадением. Напротив, она указывает, на наш взгляд, на родство этих трех людей. В таком случае, в XVI–XVIII вв. в Мишлеше существовала потомственная духовная элита.

Таким образом, анализ данных эпиграфических и нарративных источников на арабском языке позволяет нам сделать вывод о том, что в Позднем Средневековье в Мишлеше жили два человека, носивших одинаковое имя «Шейх Амир». Один из них жил в XVI в., а другой – в XVII в. Мы полагаем, что второй «Шейх Амир» был потомком первого и носил его имя.

Согласно устойчивому преданию, бытующему в Мишлеше, Султан Шейх Амир был родом из Ширвана. О ширванском происхождении шейха пишет и Шу'айб ал-Багини, который одно время жил на территории Горного магала, работал имамом и мударрисом в Цахуре и Джиныхе и, судя по всему, был неплохо осведомлен о местных духовных авторитетах. Ал-Багини наделяет Султана Шейх Амира пышными эпитетами «величайший шейх и благороднейший святой» (*аш-шайх ал-а'зам ва-л-вали ал-акрам*) и сообщает его почетный духовный титул – «полюс, столп святых» (*кутб ал-авлийа*) [7, с. 417]. Далее ал-Багини пишет: «Говорят, что он из числа «столпов (полюсов)» (*мин ал-актаб*)». Известно, что термином «кутб» обычно обозначали представителей высшей суфийской иерархии. Вместе с тем даже шейх Шу'айб, который жил в цахурских селениях в конце XIX в., очень мало знал о мишлешском шейхе, и он честно признается в этом. По предположению Шу'айба ал-Багини, Султан Шейх Амир был муршидом и устазом многих суфийских шейхов Южного Дагестана и Северного Ширвана: шейха Махмуда аз-Захури, почитаемая гробница которого находится в селении Цахур, шейхов, захороненных в цахурском селении Аттал (кстати, нами установлено, что шейх Махмуд аз-Захури также был родом из Аттала), шейха из цахурского селения Корш, шейха Пир Сулаймана аш-Шалбузи, чей знаменитый мавзолей расположен на «священной» горе Шалбуздаг, шейха Бабаратма (зийарат находится в сел. Бабаратма ныне Шекинского р-на АР), шейха Кафлан-баба ал-Джабали и других духовных авторитетов-суфиев.

Сведения ал-Багини о времени жизни Султана Шейх Амира ал-Мишлиши косвенно подтверждаются имеющимися в нашем распоряжении данными уникального арабоязычного рукописного документа из Южного Дагестана, где имеется силсила суфийских шейхов. В этой духовной генеалогии упоминаются известнейшие суфии Кавказа и мусульманского мира. Среди кавказских суфиев достаточно привести имена знаменитых ширванских шейхов тариката халватийа – саййида Йахйа ал-Бакуви (ум. в г. Баку ок. 1464 г.), которого А.К. Бакиханов называл «главным духовным учителем» Ширвана XV в., и его преемника, шейха Йусуфа ал-Мускури, который умер, судя по всему, в конце XV в. [2, с. 201–202]. Гробница Йусуфа ал-Мускури, известного также как «Йусуф Махдум» и «Мавлана Йусуф» [5, с. 27], расположена в сел. Шихляр (Шейхлар) ныне

Хачмазского района Азербайджанской Республики.

Силсила суфийских шейхов южнодагестанского документа ведет к суфиям Ширвана и Дагестана. В ней упоминаются шейхи халватийа 'Изз ад-дин, Садр ад-дин (ум. ок. 1420–1425 гг.), который был наставником Йахьи ал-Бакуви, а также такие всемирно известные суфии, как 'Абд ал-Кадир ал-Гилани, Абу-л-Касим Джунайд ал-Багдади, Сарри ас-Сакати, Хабиб ал-Аджами, Ма'аруф ал-Кархи, Хасан ал-Басри и многие другие.

Особый интерес для нас представляет тот факт, что среди имен суфийских шейхов в силсиле упомянут «Шейх Амир», которого мы отождествляем с Султаном Шейх Амиром ал-Мишлиши. Анализ силсилы показывает, что Шейх Амир был суфийским шейхом по линии шейхов халватийа Йахьи ал-Бакуви и Йусуфа ал-Мускури через преемника последнего – шейха Мухаммада Ракийа (преемником Йусуфа ал-Мускури А.К. Бакиханов называет «Мухаммада Кубинского» [2, с. 202]). Шейх Мухаммад передал наставничество в тарикате шейху Сафи ад-дину, а тот – некоему «Шах Кубату», который указан непосредственным устатом Шейха Амира.

Интересно, что в числе учеников и преемников шейха Йахьи ал-Бакуви, которые распространяли учение халватийа, письменные источники называют Шахкубада Ширвани. Современный азербайджанский исследователь И. Тагиев называет Шахкубада Ширвани (ум. в Баку в 1502 г.) «*халифа*», т. е. главой бакинской *ханака* суфиев халватийа после смерти основателя этой суфийской обители – Йахьи ал-Бакуви [5, с. 27].

Подтверждением нашего мнения о том, что «Шейх Амир» из силсилы рукописного документа и Султан Шейх Амир ал-Мишлиши – одно и то же лицо, является прямое указание в силсиле на то, что «Шейх Амир» был устатом (наставником) шейха Махмуда аз-Захури (из Цахура), о чем предполагал и шейх Шу'айб ал-Багини.

Селение Цахур расположено в 6 км к востоку от Мишлеша. Нами достоверно установлено, что шейх Махмуд аз-Захури, которого ал-Багини величает почетным титулом «*ал-вали ал-карим*», был родом из высокогорного цахурского селения Аттал. В Аттале и соседнем цахурском селении Джиных нами обнаружены и переведены арабоязычные эпитафии потомков (возможно, внуков) шейха Махмуда, которые принадлежали к потомственной духовной элите региона. К примеру, джиныхская эпитафия от 1181 (1767–68) гг. принадлежит «ученому-преподавателю (*ал-'алим ал-мударрис*) Малла Джамии, сыну ал-хаджжи Шейх Мухаммада из потомков (*авлад*) шейха Махмуда, полюса (*кутб*) из Аттала (*ал-Аттали*)». Арабское слово *авлад* имеет значение «потомки» и «дети». Об аттальском происхождении шейха Махмуда свидетельствует и устное предание, зафиксированное нами в Аттале.

Становится очевидной духовная связь шейхов Южного Дагестана со знаменитыми суфиями средневекового Ширвана – саййидом Йахья ал-Бакуви и Йусуфом ал-Мускури. Судя по всему, тарикат халватийа проник из Ширвана в горы Южного Дагестана вместе с переселением сюда некоторых ширванских шейхов, что согласуется с мнением Шу'айба ал-Багини.

Любопытно, что сведения, сообщаемые южнодагестанской силсилью о шейхах Южного Дагестана и Ширвана, во многом перекликаются с данными арабоязычной записи, которая опубликована Т.М. Айтберовым [1, с. 185–186]. Это духовная генеалогия шейха Йунуса ал-Ансалти, мавзолей которого почитается как зийарат в аварском селении Ансалта (ныне Ботлихский район РД). Т.М. Айтберов делает обоснованный вывод о том, что ансалтинский шейх принадлежал к братству халватийа. В силсиле, которая сохранилась в позднем списке, фигурируют в т. ч. и те шейхи, которые представлены в нашем источнике. Наибольший интерес для нас представляет та часть духовной генеалогии шейха Йунуса ал-Ансалти, где силсила передана от саййида Йахьи ал-Бакуви к «благородному Йусуфу Мюшкюрскому (*ал-Мускури*), от него – Мухаммад-Захиду ал-Барда'и, от него – Шах-Кубаду Ширванскому, от него – Ших-Амиру Агдашскому, от него – Шайх-Йунусу ад-Дагистани ал-Ансалти, от него Ших-Мухаммаду ад-Дагистани из Гидатля» [1, с. 185–186]. Как мы видим, в силсиле упомянут Шахкубад Ширвани,

преемником которого назван некий «Ших-Амир Агдаши». У нас нет сомнений в том, что «Ших-Амир Агдаши», «Шейх Амир» южнодагестанской силсилы, «шейх Султан Шейх Амир» Шу'айба ал-Багини и «Шейх Амир», погребенный в мавзолее Мишлеша, – одно и то же лицо. Нисба «Агдаши» указывает на происхождение мишлешского шейха из Агдаша (ныне город и райцентр одноименного района АР). Следовательно, указания ал-Багини на ширванское происхождение шейха и соответствующее устное предание о нем в Мишлеше находят свое подтверждение. Данных о времени переселения Шейха Амира в дагестанское селение Мишлеш пока нет. Можно предположить, что переселение произошло примерно в середине XVI в.

Возможно также, что преемник Йусуфа ал-Мускури «Мухаммад Кубинский» (по А.К. Бакиханову), «Мухаммад Ракийя» южнодагестанской силсилы и «Мухаммад-Захид ал-Барда'и» силсилы Йунуса ал-Ансалти – одно и то же духовное лицо.

Из данных арабоязычных письменных источников вытекает, что Шейх Амир ал-Агдаши ал-Мишлеша сделал своими преемниками в тарикате как Махмуда аз-Захури, так и Йунуса ал-Ансалти. Последний, в свою очередь, передал наставничество в тарикате халватийа Шейх Мухаммаду, зийарат которого расположен в гидатлинском селении Мачада. А.Р. Шихсаидовым установлено, что Шейх Мухаммад Мачадинский умер в 1634 г., о чем свидетельствует арабоязычная эпитафия на его могиле, где он именован эпитетом «кутб ал-актаб» («главный полюс»). Что касается линии Махмуда аз-Захури, то она прослеживается по данным рукописных и эпиграфических источников, выявленных нами в Южном Дагестане.

В заключение следует отметить, что дальнейшие научные исследования рукописных и эпиграфических памятников в Дагестане и Азербайджанской Республике могут способствовать расширению наших знаний о Султানে Шейх Амуре ал-Мишлеша и выявлению новых данных о духовных связях суфиев Ширвана и Дагестана.

Литература

1. *Айтберов Т.М.* Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. – М.: Марджани, 2010. – С. 179–188.
2. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам. – Баку: Элм, 1991.
3. *Закарияев З.Ш.* Иранские шахи в арабской эпиграфике Дагестана (по материалам новых находок надписей XVII–XVIII вв. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3. – С. 151–153.
4. *Ихиллов М.М.* Народности лезгинской группы. – Махачкала, 1967.
5. *Тагиев И.* Дворец Ширваншахов или Ханака С.Я. Бакуви? – Баку: Gasioglu, 2003.
6. *Хан-Магомедов С.О.* Цахурская архитектура. – М.: Ладья, 1999.
7. *Шуайб б. Идрис ал-Багини.* Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат ал-машайих ал-халидийа ал-махмудийа. – Дамаск, 1996.
8. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введение и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966.
9. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XIX вв. / Издание текстов, пер., коммент., статья и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1968.

Поступила в редакцию 22 апреля 2011 г.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 29(470,67)

М.А. Абдурахманов

Источники и литература об исламе в Южном Дагестане

Статья посвящена основным источникам и новейшей литературе по истории и современному состоянию ислама в Северном Азербайджане и Южном Дагестане. В ней показаны как достижения, так и нерешенные проблемы в этой области исламоведения.

Ключевые слова: *ислам, Северный Азербайджан, Южный Дагестан, лезгинские народы, арабская и дагестанская историография.*

This article is devoted to the main sources of recent literature on the history of the current state of Islam in northern Azerbaijan and Southern Daghestan. It shows both the achievements and remaining challenges in the field of Islamic studies.

Keywords: *Islam, North Azerbaijan, Southern Daghestan, Lezgin people, Arab and Daghestani historiography.*

Важнейшее место в истории распространения ислама как фактора материальной и духовной культуры, общественно-политических процессов в субрегионе Южного Дагестана и Северного Азербайджана, несомненно, принадлежит источникам, созданным на основе арабской письменности.

Как пишет А.Р. Шихсаидов, «для VI–X веков арабские историко-географические сочинения представляют почти единственную источниковедческую базу по истории раннесредневекового Дагестана» [1, с. 6].

Редко какая научная работа по истории раннесредневекового Дагестана может обойтись без фундаментальных трудов таких корифеев, как ат-Табари (История пророков и царей), ал-Мас'уди (Луга золота и рудники драгоценных камней), Ибн-Хаукал (Книга путей и государств), ал-Мукаддаси (Лучшее из делений для познания климатов), ал-Истахри (Книга путей и государств), Ибн ал-Факих (Книга о странах), Ибн-Руст и др.

Характерной чертой группы источников (IX–X вв.) является преимущественное описание военных действий в различных регионах Дагестана. В них приводятся также данные о взаимоотношениях завоевателей с местными правителями в области политики и административного устройства и сведения о миграции арабов в завоёванные области. Это сочинения Ахмада ибн Вадыха ал-Йакуби [2] (ум. ок. 897), Абу ал-Аббаса Ахмада ибн Йахья Джабира ал-Белазури [3] (ум. в 982), Абу Джафара Мухаммеда ибн Джарира ат-Табари [4] (858–923), Абу Мухаммеда ибн А'сам ал-Куфи [5] (IX в.), Абу Хамида ал-Гармати ал-Андалуси [6] (1080–1169), Ибн ал-Асира [7] (1160–1234).

Так, в «Истории» ал-Йакуби особый интерес для нас представляют сведения о таких опорных арабских пунктах близ Дербента, как Камах, ал-Мухамедийа, Баб-Вак.

Ал-Белазури в «Книге завоевания стран», в главах «Завоевание Армении» и «Завоевание Азербайджана», пишет о насильственном обращении дагестанцев в ислам.

Ал-Йакуби проводит мысль о добровольном признании дагестанцами всех условий арабов. Однако утверждение ал-Йакуби не находит себе подтверждения.

Ат-Табари в «Истории посланников и царей» приводит много описаний событий, происходивших в Дагестане в VII–IX веках: первые походы арабских полководцев в Дагестан, борьбу горцев с арабами, попытки внедрения ислама на завоёванной территории.